

2

Майк Райко

Я ушел от Деннисона в шесть и отправился домой на Вашингтон-сквер. Вокруг стоял холодный туман, солнце едва выглядывало из-за причалов Ист-ривер. Заглянув сперва в «Райкерс» в надежде найти Фила и Рэмси Аллена, я двинулся на восток по Бликер-стрит.

Под конец я был такой сонный, что ровно идти не мог. Поднялся на третий этаж к Джейни, бросил шмотье на стул и подлез к ней под бочок. Кошка скакала по постели, играя простынями.

Глаза я открыл, когда уже жарило всюю. Радио в гостиной наяривало симфонию. Я сел, потянулся и увидел Джейни. Она сидела на диване, только что из душа, прикрытая одним полотенцем и с мокрыми волосами.

Рядом на полу сидел Фил, тоже в одном полотенце, курил и слушал музыку — Первая симфония Брамса.

— Утро доброе, — сказал я, — дай-ка и мне закурить.

И бегемоты сварились в своих бассейнах

Глянув искоса, Дженни подошла и протянула сигарету. На «доброе утро» она ответила довольно язвительно.

— Черт, — проворчал я, — ну и жара.

— Отлепись от постели и прими душ, урод, — фыркнула она.

— Ты чего это?

— А ничего. Опять траву курил!

— Ну тебя, хватит, — отмахнулся я, пробираясь в ванную. — Какая трава, одно название.

Июньское солнце било в окна, и под холодным душем ощущение было, словно ныряешь в пруд где-нибудь в Пенсильвании.

После душа я тоже завернулся в полотенце и, усевшись в гостиной со стаканом холодного оранжада, стал расспрашивать Фила, куда они вчера ходили с Алленом. Он сказал, что после Деннисона они пошли к Эмпайр стейт билдинг.

— Почему Эмпайр стейт билдинг? — удивился я.

— Кажется, мы хотели спрыгнуть оттуда, — ответил он, — точно не помню.

— Ничего себе.

Мы немного поговорили о «Новом видеении» — теории, которую разрабатывал Фил, — а потом я допил оранжад и пошел в ванную надевать брюки. Сказал, что хочу есть.

Пока Джейни и Фил одевались, я зашел в уголок за перегородкой, который назывался

у нас кабинетом, и стал перебирать всякое барахло в ящике стола. Пора было начинать готовиться к новому плаванию. Я выложил кое-что на стол, а когда вернулся в гостиную, они уже оделись. Мы спустились по лестнице и вышли на улицу.

— Когда снова в плавание, Майк? — спросил Фил.

— Думаю, через недельку-другую.

— Врешь ты все, — встряла Джейни.

— Вообще-то, — начал он, когда мы переходили площадь, — я и сам подумываю уйти в море. Все нужные бумаги есть, но я ни разу не пробовал. Слушай, как попасть на корабль?

Я в общих чертах просветил его. Фил удовлетворенно кивнул.

— Так и сделаю, — сказал он. — А может так получится, что мы окажемся в одной команде?

— Запросто, — ответил я. — А ты давно это решил? Что скажет твой дядя?

— Будет только счастлив. Он у меня патриот. К тому же избавится от меня хоть ненадолго.

Идея мне, в общем, понравилась, я ему так и сказал. В плавании всегда лучше иметь верного друга на случай каких-нибудь разборок внутри команды. Волк-одиночка, который вечно держится в стороне, рискует огрести массу неприятностей, потому что неволью вызывает подозрения у окружающих.

Мы зашли в «Сковородку» на Восьмой улице. У Джейни еще оставалось кое-что от по-

следнего чека из попечительского фонда. Она приехала из Денвера, штат Колорадо, и дома не была уже больше года. Ее папаша, богатый старый вдовец, живет там в шикарном отеле и время от времени присылает письма про свою роскошную жизнь.

Мы с Джейни взяли яичницу с беконом, но Филу вдруг захотелось яиц в мешочек. Два яйца, варить три с половиной минуты, сказал он. Новая официантка, стоявшая за стойкой, скорчила кислую физиономию. Экзотический вид Туриана то и дело вызывает косые взгляды — люди думают, что он какой-нибудь наркоман или педик.

— Только Аллену ничего не говорите, — сказал он. — Весь смысл в том, чтобы избавиться от него. Если он узнает, то все испортит.

Я рассмеялся, но Фил настаивал:

— Этот тип на все способен, я его давно знаю.

— А почему бы тебе просто не послать его по-дальше?

— Это на него не подействует.

Некоторое время мы молчали, попивая томатный сок.

— Непонятно что-то, — сказал я. — Он вроде безобидный, и ты сам позволяешь ему таскаться за тобой всюду, да и польза от него бывает.

— Достал он меня своей пользой.

— Ну, узнает он, и что сделает?

— Да что угодно!

— А если ты уже уйдешь в плавание?

— Придем в порт, а он там, ждет на причале в берете и щелкает ракушки в компании арабских мальчиков.

— Хорошо сказано, — усмехнулся я.

— И правильно, — вмешалась Джейни, — не говори ничего этому педику.

— Нет, про ракушки — это ты здорово, — повторил я.

Нам подали заказ, но яйца Филу достались совершенно сырые. Он подозвал официантку и продемонстрировал жидкий белок, тянущийся за ложкой.

— Вы же так и заказывали — жидкие, — уперлась она. — Мы назад ничего не берем.

Фил решительно оттолкнул тарелку.

— Хорошо, тогда еще два, варить четыре минуты. Может, теперь получится.

Он повернулся ко мне и снова заговорил о своем Новом видении. Официантка раздраженно забрала яйца и крикнула в окошко на кухню: «Еще два, четыре минуты».

На этот раз все получилось. Она со стуком поставила тарелку перед Филом, и он спокойно принялся за еду.

— Так, — сказал я, доев, — короче, завтра иди на Бродвей, куда я сказал, и оформляйся. Через неделю, не позже, получим место на судне. Уйдем в море, и Аллен так ничего и не узнает.

Фил кивнул.

— Отлично, чем раньше, тем лучше.

— Только выбирать не придется, — предупредил я, — куда скажут, туда и поплывем.

— Да все равно, хотя, конечно, хотелось бы во Францию.

— Мне тоже хотелось бы, но ты ведь там был?

— Только с матерью, в четырнадцать лет, и гувернантка вечно вертелась рядом. Я хочу в Латинский квартал.

Я развел руками.

— Латинский квартал в Париже, а мы с тобой увидим только полоску берега в Нормандии. В Париж никак не получится.

— Ничего, прорвусь. Главное — свалить из Америки.

— Во всяком случае, Рэмси Аллен останется за кормой.

— Надеюсь, — кивнул он.

— А в море будет куча времени, чтобы писать стихи, — добавил я.

— Да, здорово.

Джейни пожала плечами.

— Мог бы и здесь, в Нью-Йорке, и стихи писать, и свое видение разрабатывать.

— Здесь Ал, он душит мои идеи на корню, — усмехнулся Фил. — Старому поколению их не понять.

— Не слишком-то ты уважаешь своего достойного наставника, — заметил я.

Фил мрачно скривился.

— Ерунда все это, — хмыкнула Джейни. — Деньги надо зарабатывать. Вот вернетесь, махнем на всю зиму во Флориду или Нью-Орлеан, да мало ли куда... Стихи, тоже мне придумали.

У нас были сигареты, но спичек не оказалось.

Фил окликнул официантку:

— У вас спички есть, мисс?

— Нет, — ответила она.

— Тогда найдите, — спокойно и четко произнес он.

Девушка достала из-под стойки коробок и бросила ему, попав в мою тарелку из-под яичницы. Несколько ломтиков картошки отскочили на стойку. Филип поднял спички и дал всем прикурить, потом бросил коробок обратно.

Официантка вздрогнула от неожиданности.

— И зачем только я их вам дала!

Фил молча улыбнулся.

— Может, у нее месячные? — предположил я.

Ко мне тут же двинулся крепкий коротышка.

— Ты что тут, самый умный?

— Ага.

Запахло дракой. Джейни поспешила вмешаться.

— Эта сучка сама все начала. Почему бы вам не найти другую официантку?

Коротышка бросил на нас злобный взгляд и отвернулся.

— Ну их, пошли отсюда, — сказала Джейни, доставая деньги.

Мы нашли скамеечку на Вашингтон-сквер и устроились в тенечке, но мне скоро надоело, я сел на газон и стал жевать травинку, размышляя, какие книги возьму с собой в плавание и как мы с Филом проведем время в каком-нибудь иностранном порту. Фил и Дженни говорили о его девушке, Барбаре Беннингтон — для друзей просто Бабс — о том, как она отреагирует на его внезапный отъезд.

Мимо шел старый пьянчужка и бормотал что-то вслух. Остановился у нашей скамейки и стал смотреть на меня. Никто не обращал внимания, он начал злиться. Старикашка был проспиртован насквозь, дергался всем телом и рычал.

— А-р-р... — начал он, но потом двинулся дальше.

Фил с Джейни продолжали разговаривать. Вдруг старик вернулся и снова уставился на меня.

— Ты кто? — прохрипел он.

Я дернулся и прорычал: «А-р-р».

— Иди домой! — прикрикнул на него Фил.

Старикашка испугался и потащился прочь, продолжая дергаться и рычать на скамейки и деревья.

Мы посидели еще немного и пошли домой. Фил сказал, что идет прямо к себе и начинает собираться. Он снимал двухкомнатную квартирку с отдельной ванной в семейном отеле неподалеку от Джейни.

Мы как раз сворачивали за угол и встретили Джеймса Кэткарта из Нью-Йоркской школы бизнеса. Он вызвался помочь нашему приятелю собрать вещи. Фил тут же стал втолковывать ему, чтобы молчал. Кэткорт был хорошим другом, но Фил все равно опасался, что слухи дойдут до Рэмси Аллена.

Мы с Джейни поднялись наверх и приняли вместе душ, а потом сели в гостиной поболтать. Я занял кресло-качалку напротив дивана, где устроилась Джейни — в одном полотенце, потуземному. Смотрел я, смотрел на это полотенце и вдруг почувствовал, что оно меня раздражает. Встал, стащил его и вернулся в кресло.

— Не понимаю, почему тебя так тянет в море, — проворчала Джейни.

— Не бойся, это ненадолго, — ответил я.

3

Уилл Деннисон

В воскресенье я встал часа в два, подмел осколки бокалов и сходил позавтракал на углу, а заодно купил номер «Рейсинг форм» с новостями скачек. Вернулся домой и стал читать вчерашние газеты, а потом проглядел «Рейсинг форм», но ни одна лошадь мне не понравилась.

Около четырех заглянул Дэнни Борман, он работает на военном заводе и похож на актера Джорджа Рафта, только ростом повыше. Рассказал, что последние две недели дела идут не очень: никак не может найти работу по подряду, где платят сверхурочные, а с другой связываться не хочет.

— Слушай, есть просьба, Уилл, — говорит.

— Какая?

— Одолжи мне свою мухобойку, а?

А я-то думал, деньги просить станет.

— Само собой, Дэнни, не вопрос.

Кистень был запрятан под рубашками в шкафу. Я протер его как следует шелковым платком и отдал Дэнни. Вот это настоящий мужик, не то что Филип с Алом — пальцем не шевельнут, чтобы денег заработать, только попрошайничают.